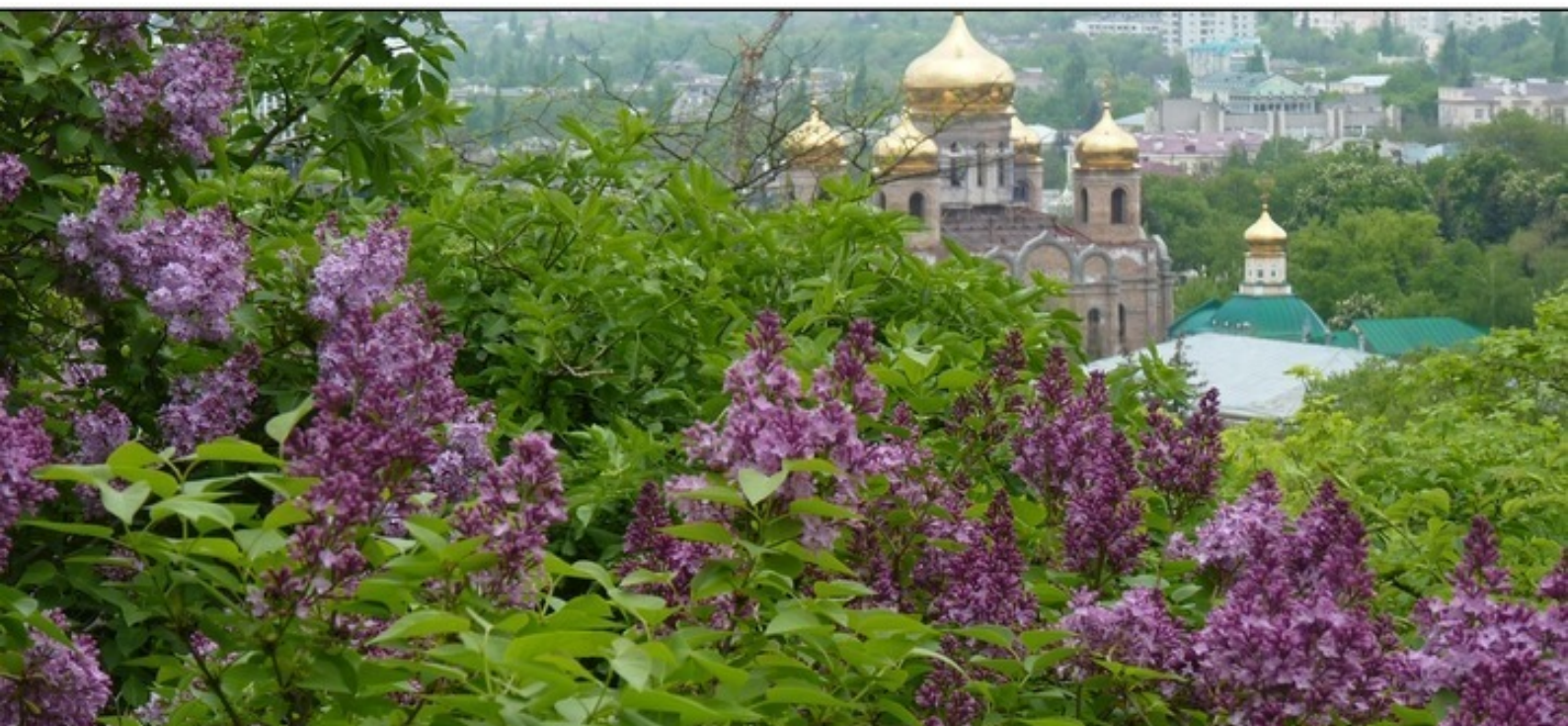

Вадим Хачиков

*Дорогие
гости
Пятигорска*

Пушкин, Лермонтов, Толстой

Вадим Хачиков

**Дорогие гости Пятигорска.
Пушкин, Лермонтов, Толстой**

«Издательские решения»

Хачиков В. А.

Дорогие гости Пятигорска. Пушкин, Лермонтов, Толстой /
В. А. Хачиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834841-9

Известный русский критик В. Г. Белинский писал: «Странное дело, Кавказу как будто бы суждено стать колыбелью наших поэтических талантов». Нетрудно объяснить эту «странность» яркими впечатлениями, которые дарил начинающим писателям далекий южный край. А. Пушкин влюбился в этот дивный южный край и стал создавать свои первые кавказские произведения, побывав в 1820 году на кавказских водах. То же самое произошло и с М. Лермонтовым. А Л. Толстой здесь начал свой путь в литературу.

ISBN 978-5-44-834841-9

© Хачиков В. А.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Александр Пушкин. Ужасный край чудес	7
Волшебное прикосновение Кавказа	8
Назвался недорослем	8
Пути-дороги поэта	10
«...Все селение расположено в 2 улицы»	12
Встреча с английским шпионом	15
«Мы здесь в лагере, как цыгане...»	17
Природы дикой и угрюмой	19
У Кислых вод	19
«Нашёл я большую перемену...»	22
Откровенья ненаписанных страниц	25
Рождение замысла	25
«Герой моего воображения»	26
Мария – Алина – Александра	27
«Действующие лица и исполнители»	28
Водяное общество	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Дорогие гости Пятигорска
Пушкин, Лермонтов, Толстой
Вадим Александрович Хачиков**

© Вадим Александрович Хачиков, 2016

ISBN 978-5-4483-4841-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Известный русский критик В.Г.Белинский писал: «Странное дело, Кавказу как будто бы суждено стать колыбелью наших поэтических талантов». Нетрудно объяснить эту «странность» яркими впечатлениями, которые дарил начинающим писателям далекий южный край, тем подъемом духа, который они здесь испытывали

Александр Сергеевич Пушкин влюбился в этот дивный южный край и стал создавать свои первые кавказские произведения, побывав в 1820 году Кавказских Водах. То же самое произошло и с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Большинство его кавказских поэм и стихотворений появилось уже после детских путешествий на Воды. И в главном произведении кавказской тематики – романе «Герой нашего времени» – центральное место занимают события, происходившие в Пятигорске и Кисловодске.

А Лев Николаевич Толстой здесь начал свой путь в литературу. Первые черновые наброски рассказов о детстве именно на пятигорской земле обрели блестящую, законченную форму. На Кавказских Водах, создавались и другие, столь же блестящие, произведения, рождались плодотворные замыслы, обогатившие творчество Толстого на годы вперед.

Об этих, самых дорогих, гостях Кавказских Вод, о том, как пребывание здесь отразилось в их творчестве, рассказывает журналист Вадим Хачиков.

Александр Пушкин. Ужасный край чудес

*Ужасный край чудес!
Там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных
Благословенные струи!*

А. Пушкин

Волшебное прикосновение Кавказа

Пушкин умирал. Жизнь покидала его, хотя сознание, замутненное нестерпимой болью, пыталось удержать ее, то обнимая разом все прожитые годы, то выхватывая из прошлого самые приметные вехи. Иные походили на темные ямы или зубастые пасти пропастей – это были тревожные, болезненные воспоминания, от которых хотелось скорее избавиться, чтобы не уносить с собою туда, куда он готовился уйти с часу на час.

Но были и другие всплески памяти, когда перед мысленным взором возникали светлые, радостные моменты, столь редко дарованные ему судьбой. Они возникали, словно сверкающие снежные вершины, которые украсили, пожалуй, самые счастливые дни его молодости и остались с ним на долгие годы, посылая ему оттуда, из прошлого, свое сказочное сияние...

С чего началось тогда счастье?.. В памяти вспыхивает картина: внушительный поезд из нескольких экипажей везет на Кавказские Воды прославленного героя Отечественной войны, генерала Раевского и его родных. С ними и он, Александр Пушкин, товарищ младшего сына генерала, Николая.

Какое это было удивительное время! Каким свободным и раскованным он чувствовал себя после петербургской утомительной круговерти! Как приятно было находиться в окружении милого и ласкового семейства, ощущая заботу и внимание молодых Раевских, снисходительное попечительство добрейшего старого воина. Как радостно было отдаваться блаженству мерно текущих дней среди благоуханной южной природы, подарившей в конце пути неповторимое зрелище Кавказских гор.

Увиденный впервые при подъезде к Ставрополю белоснежный конус Эльбруса, а потом и вся великолепная цепь снежных великанов, открывшаяся их взорам вблизи Горячих Вод, оказались провозвестниками новой, так не похожей на прежнюю, жизни на Кавказских Водах, олицетворявших тогда для Пушкина весь этот дивный южный край. Судьба там принесла ему покой и волю, одарила несметным богатством необыкновенных впечатлений, дала толчок поэтическому воображению. И отозвалась потом дивными творениями, которые навеяли ему Машук и Бештау, заслужившие в российской словесности славу Парнаса и Геликона с их источниками поэтического вдохновения...

Ни тогда, ни позднее Пушкин не мог знать того, что знаем мы: то, первое волшебное прикосновение Кавказа, повторившееся девять лет спустя, стало счастливым не только для него самого – для многих поколений его читателей, зачастую даже не подозревавших, чем они обязаны далекой южной окраине России. Ведь опубликованные и широко известные кавказские стихи и поэмы Александра Сергеевича – это далеко не все, что привез поэт из своих путешествий в «полуденный край». Увидеть все то, чем стал для Пушкина Кавказ, поможет внимательное прочтение страниц его кавказского бытия а, а так же более близкое знакомство с теми впечатлениями, которые он получил во время обеих своих поездок на Кавказ. Отыскивая «кавказский след» в творчестве Пушкина, мы лучше узнаем и раннюю историю наших курортов

Назвался недорослем

Закатной порою июня пятого дня лета одна тысяч восемьсот двадцатого в курортное поселение на Горячих водах въехал внушительный поезд из нескольких экипажей, какие обычно только и доставляли тогда знатных россиян, желающих лечиться на молодых Кавказских курортах. Главной персоной среди прибывших считался прославленный герой Отечественной войны 1812 года, генерал Николай Николаевич Раевский. Его сопровождали дети – две дочери и младший сын Николай. Старший сын генерала, Александр, к тому времени уже

находился на Водах. Он встретил родственников и препроводил на снятую им заранее квартиру в одном из немногих приличных домов поселения.

Семью генерала сопровождал товарищ младшего сына Николая Раевского – невысокий, смуглый, курчавый молодой человек – Александр Пушкин. За вольнодумные стихи он был выслан из Петербурга на юг и служил в Екатеринославе, под началом главного попечителя о поселениях Южной России, генерала от инфантерии Инзова. Проезжая через Екатеринослав по дороге на Кавказ, Раевские нашли Пушкина одиноким, больным, неухоженным. И генерал, по просьбе сына Николая, пригласил молодого человека совершить вместе с ними путешествие – отдохнуть, подлечиться на Водах. Как нам известно, именно этот молодой человек оказался самой значительной персоной в генеральском поезде, который, именно благодаря ему, въехал тогда не только в курортное поселение, но и в российскую историю.

Так состоялась первая встреча великого русского поэта с чудесным южным краем, которая надолго связала их, подарив российской литературе немало волшебных стихов и чеканных прозаических строк. О пребывании же самого Пушкина на Кавказских Минеральных Водах, о людях, с которыми он встречался, о событиях, интересовавших поэта в этом удивительном уголке «полуденной» России, его произведения сообщают, в общем-то, не так уж много. Приходится по крупицам собирать драгоценные сведения, рассыпанные по различным документам и воспоминаниям современников.

Так, эпизод, случившийся сразу же после приезда, находим в воспоминаниях врача Евстафия Петровича Рудыковского, сопровождавшего в поездке на Кавказ семью генерала. Всем приезжающим на курорт полагалось представить коменданту поселения краткие сведения о себе, которые записывались в специальную книгу. Сделать записи в этой книге вызвался Пушкин. Рудыковский вспоминал, что Александр Сергеевич, делал их с хохотом, сидя во дворе, на куче бревен.

На следующий день, встретившись с местным врачом, Евстафий Петрович услышал от того: «Вы лейб-медик?». Рудыковский ответил, что нет. «Как не лейб-медик? – удивился местный коллега. – Вы так записаны в книге коменданта; бегите к нему, из этого могут выйти дурные последствия». Действительно, у Рудыковского могли быть серьезные неприятности. Ведь лейб-медик – это личный врач русского императора, должность чрезвычайно высокая. Евстафия Петровича могли объявить самозванцем и строго наказать. С трудом ему удалось убедить коменданта в своей непричастности к записи.

Делая ее, Пушкин, конечно же, не хотел доставить доктору неприятность, просто ему показалось забавным придать скромному медику столь высокий статус. Он, кстати, и себя не пощадил. Уже имея классный чин, полученный при выходе из Царскосельского лицея, записал себя недорослем, то есть дворянином, не достигшим совершеннолетия и еще не вступившим в государственную службу. На таких обычно смотрели, как на лентяев и оболтусов. Впрочем, Пушкину это было безразлично. Получив во время этой поездки свободу от многих условностей петербургской жизни поэт, которому уже стукнуло двадцать лет, вел себя, как расшалившийся мальчишка и вполне мог со стороны показаться недорослем. Он наслаждался возможностью жить без правил в этом полудиком романтическом краю.

Как протекала жизнь приезжих, рассказывают письма генерала Раевского старшей дочери Екатерине: «**13 июня.** Я расположил свою жизнь следующим образом: встаю в 5 часов, иду купаться, возвращаясь через час, пью кофий, читаю, гуляю, обедаю в 1-м часу, опять читаю, гуляю, купаюсь, в 7-ом часу пьем чай, опять гуляем и ложимся спать... **29 июня.** Жизнь наша та же: ходим, спим, пьем, купаемся, играем в карты, словом, кое-как убиваем время. Нынче Петров день, вечером будет маленький фейерверк».

Надо полагать, Пушкина это размеренное курортное бытие не устраивало. Конечно, он вместе с семейством генерала принимал ванны, обедал, пил чай, и может, быть, даже гулял иногда, неторопливо и степенно. Но вообще-то «мальчишке-недорослю» хотелось больше ходить,

ездить, смотреть, узнавать! Ведь он впервые попал в этот удивительный мир, где все было так не похоже на чопорный холодный Петербург, в котором он провел большую часть своего детства и юности.

Здесь каждый день можно было любоваться удивительной панорамой снежных гор на горизонте, иногда ясных и сверкающих в солнечных лучах, но чаще полускрытых облаками и, словно бы, парящих над землей. Порою, особенно на восходе солнца, они сами напоминали неподвижные разноцветные облака. Вокруг поселения – то совсем рядом, то в некотором отдалении – поражали взор причудливые очертания зеленых гор, кое-где тронутые серыми пятнами скал и осыпей.

А как интересно были наблюдать за жизнью небольшого курортного поселения, приютившегося в ладонях машукских отрогов! Генерал Раевский в своем письме рисует картинку, которую мог наблюдать и Пушкин: «... часто прихожу пользоваться... видом наиприятнейших гор и забавным сего селения и жителей, карикатурных экипажей, пестроты одеяний; смесь калмыков, черкес, татар, здешних казаков – все это движется, встречается, расходится, сходится».

Публика, заполнявшая улицы курортного поселения, поэта, конечно, тоже интересовала, но во вторую очередь. Главными для него были, конечно, те впечатления, которые в избытке давали ему и этот романтический край с его удивительной природой, и полудикое существование обитателей поселения. «...эта жизнь вольная, заманчивая и совсем непохожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом, и кругом причудливые картины гор, новые невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, лихая вольность горских черкесов, а в нескольких часах пути жестокая война с громким именем Ермолов, – все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину» – писал первый биограф поэта П. И. Бартенев.

Пути-дороги поэта

Нам, конечно же, интересно знать, где побывал Пушкин, находясь в наших краях, что увидел в тогдашнем Горячеводском поселении и его окрестностях. Для этого следует пройти его путями. Единственная дорога, на Воды из крепости Святого Георгия (ныне город Георгиевск) шла по левому берегу Подкумка, то вблизи русла реки, то отдаляясь от него, если на пути встречались препятствия. Одно из них в виде нагромождения скал ожидало путешественников у южной подошвы Машука. Позднее, по указанию генерала Ермолова, путь среди этих скал был расчищен. Но, пока это не было сделано, всем, направлявшимся на Воды, приходилось делать порядочный крюк, огибая гору с севера. Россияне, направлявшиеся на Воды, вынуждены были двигаться мимо двух небольших соленых озер, направляясь к перемычке, соединяющей Машук и Бештау, Только преодолев ее, они могли вновь спуститься в долину Подкумка. Здесь древняя дорога раздваивалась. Основная ее ветвь, ведущая в Константиногорскую крепость и далее, на Кислые Воды, возвращалась к реке. Другая, так сказать, местного значения, поворачивала к источникам горы Горячей. Она в дальнейшем сделалась главной магистралью нарождавшегося города, а ее ответвления – удобными путями к источникам Горячей горы.

Место, где должен был родиться Пятигорск, удобным не назовешь. Кругом разной крутизны склоны и скаты, овраги и обрывы, которые приходилось одолевать, и не без труда, первым посетителям Вод. Самое большое препятствие на пути к минеральным источникам и первым ваннам представляли склоны горы Горячей. Даже сегодня, при наличии вполне благоустроенных подходов, чтобы подняться на ее вершину, требуются определенные усилия. А каково же было делать это в ту пору, когда там не существовало ни лестниц, ни дорог, ни даже мало-мальски удобных тропинок.

Люди, приехавшие пользоваться ими, купались в примитивном, выбитом прямо в скалах, бассейне, над которым не было даже навеса, защищающего от дождя и палящих солнеч-

ных лучей. Стараниями командира егерского полка, стоявшего в Константиногорской крепости, генерала Лихачева, был сделан первый шаг к обустройству будущего курорта – егеря соорудили над бассейном примитивную купальню и проложили к ней деревянную лестницу. Ее можно увидеть на акварели художника Е. Корнеева, сделанной в 1803 году. Изображенная на ней Горячеводская долина еще пустынна, лишь кое-где стоят жалкие мазанки и кибитки, а лестница на гору Горячую уже есть! Но, конечно, она не могла удовлетворить ни больных, ни администрацию курорта. И потому, как только появилась некая сумма, пожертвованная Кавказским Водам в благодарность за исцеление астраханским купцом Федоровым, ее использовали для устройства удобных путей на вершину горы Горячей. В 1814 году, появилось первое шоссе на Горячую гору. На его строительстве использовали пленных поляков, воевавших в армии Наполеона и сосланных за это на Кавказ. Поначалу этот путь играл очень важную роль, поскольку он давал единственную возможность подъехать к ваннам в экипаже, а это было крайне необходимо людям пожилым, ослабленным, скрученным ревматизмом или страдающим от тяжелых ран. Но к моменту приезда Раевских с Пушкиным появилась еще одна экипажная дорога наверх.

В 1819 году генерал Ермолов приказал сломать ветхие избушки-купальни на вершине горы Горячей и построить на ее уступе новое купальное заведение. И в том же году оно появилось. Названные в честь генерала Ермоловскими, ванны эти были по тем временам достаточно комфортабельными и довольно красивыми – с колоннами и башенкой-бельведером на крыше. Неудивительно, что большинство курортной публики предпочитало принимать процедуры там – до тех пор, пока у подножья горы не было построено каменное здание Николаевских ванн. Посещали Ермоловские ванны и Раевские с Пушкиным. По поводу ваннных зданий генерал писал: «Ванны старые... ни вида, ни выгод не имеют, новые же представляют и то, и другое, возможную чистоту и опрятность. Вид из оных наиприятнейший на Бештову гору».

К Ермоловским ваннам больные поднимались по удобному шоссе, проложенному одновременно со строительством здания и хорошо приспособленному для проезда экипажей. Но, надо полагать, что Пушкин транспортом не пользовался – по обоим шоссе ходил пешком, чтобы полюбоваться открывающейся оттуда панорамой Кавказских гор. Правда, в западной части горы ничего интересного не было – кроме доживавших свой век старых купален там стояло лишь простенькое деревянное здание так называемой Оборонительной казармы, в которой тогда размещались солдаты военно-рабочей команды.

А вот восточная часть горы, хотя и оставалась в то время не обустроенной, радовала романтическую душу поэта именно своей дикостью – голыми скалами, кое-где поросшими чахлым кустарником, «крутыми каменными тропинками», о которых он вспоминал девять лет спустя. Там имелось несколько выходов минеральной воды, в частности, открытый доктором Гаазом Елизаветинский «кислосерный» источник. Он представлял собой обыкновенный колодец, откуда черпать воду приходилось «ковшиком из коры или дном разбитой бутылки», как писал Александр Сергеевич.

Через эту местность пролегал путь к знаменитому Провалу, который привлекал всех приезжих своим загадочным жерлом. Добираться до него приходилось пешком, поскольку вела к нему «узкая тропинка между кустарников и скал», как сообщил об этом позднее М.Ю. Лермонтов. Надо полагать, в пушкинские времена тропинка уже существовала, и, говоря о «неогороженных пропастях», поэт имел в виду именно Провал.

Мимо него лежал путь к вершине Машука, где Пушкин тоже побывал. Об этом нам известно из его письма к брату Льву, как и о том, что он покорила Бештау. Более подробно о подъеме на высшую точку Кавказских Минеральных Вод рассказывает в своих письмах генерал Раевский. Едва прибыв на Воды, он сообщает дочери: «При первом хорошем дне положено ехать на верх шпица Бештового, с которого верст на сто открывается во все стороны». А спустя две недели информирует ее: «...ездили мы на Бештову высокую гору. Поднимались

на Бештау, как правило, со стороны Железных Вод, куда Раевские с Пушкиным тоже ездили еще до того, как перебрались туда для лечения.

Разговор о Железных Водах нам еще предстоит. А пока останемся на горе Горячей, откуда Пушкин, а вместе с ним и мы, имеем возможность хорошо рассмотреть, что представляло собой в ту пору курортное поселение на Горячих Водах.

«...Все селение расположено в 2 улицы»

Желая представить себе давнее прошлое Пятигорска, обычно первым делом вспоминают роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где так ярко описан «чистенький, новенький городок» – с Ресторацией и Эоловой Арфой, с романтическим гротом и галереей у источника, с тенистым бульваром и живописными аллеями парка, увитыми виноградной лозой. Но, говоря о Пушкине, надо иметь в виду, что такой, «лермонтовский», Пятигорск образовался несколько лет спустя. А вот как небольшой поселок у Машука – выглядел летом 1820 года, мы узнаем все из тех же писем генерала Раевского, сообщавшего дочери Екатерине: «Воды горячие истекают из горы, называемой Мечук, над рекой Подкумком лежащей... от подошвы небольшой долины, в которой все селение расположено в 2 улицы; я приметил до 60 домов, домиков и лачужек, и как сего недостаточно для приезжающих, то нанимают калмыцкие кибитки, палатки и располагаются лагерями, где кому полюбится...».

Итак, все поселение размещалось тогда в границах Горячеводской долины. Именно здесь, как в колыбели, пребывал новорожденный курорт до той поры, когда граница с Кабардой не была отодвинута подальше и опасность нападения горцев значительно уменьшилась. А пока что от набегов надежно защищали солдаты с пушками, стоявшие лагерем у входа в долину, и образующие ее Машукские отроги – Внутренний хребет и гора Горячая, откуда мы вместе с Пушкиным смотрим на долину вниз.

Обратим сначала внимание на упомянутые генералом палатки и кибитки. Какое-то время они составляли основное жилье тех приезжих, кто не хотел ежедневно ездить к источникам из Константиногорской крепости – единственного в округе места, где имелись хоть какие-то строения. Главномачальствующий на Кавказе генерал А.П.Тормасов еще в 1811 году специально распорядился, чтобы кочевники-калмыки доставили на Воды к началу сезона свои кибитки. В отдельные годы их стояло здесь до сорока.

К 1820 году войлочных шатров поубавилось – об этом распорядился генерал Ермолов, которому из Петербурга сообщили о жалобах калмыков на убытки от предоставления ими внаем кибиток. А главное, Горячеводская долина стала понемногу застраиваться домами. У историков нет единого мнения о том, когда вырос первый из них, но все сходятся на том, что не ранее 1812 года. Во всяком случае, дочь одного их первопоселенцев, аптекаря Соболева, поставившего свои дома в 1814 году, утверждала, что в то время, «на Горячих Водах почти не было никакого строения, а существовала одна пустота и опасность от набегов».

В 1820 году, как видим, более полусотни строений уже образовали две улицы. Одна из них, будущий главный проспект Пятигорска, протянулась по центру Горячеводской долины. Вторая, скорее всего, лежала параллельно ей, будучи образована тыльными сторонами усадеб, фасадами выходящих на главную улицу (ныне это улица Красноармейская). Возведение домов за пределами тщательно охраняемой Горячеводской долины стало возможным позднее, года обстановка в регионе стала спокойнее. Известно, что в сентябре 1822 года от командующего войсками на Кавказской линии генерала Сталя поступило предписание инженерной службе – «назначить линии улиц и места для строений казенных и частных... кварталы же, разбив, для признаков... положить по углам большие камни». Речь здесь идет о кварталах вдоль улицы Большой Средней (ныне Карла Маркса), которые с этого времени стали интенсивно застраи-

ваться. Именно они слагали тот самый «чистенький, новенький городок», который описал Лермонтов, и который Пушкин не мог не заметить во время второго приезда на Воды в 1829 году.

Но пока на их месте простирался лишь голый склон Машука, на котором, возможно, кое-где стояли временки наиболее отважных застройщиков. В самой Горячеводской долине тоже оставалось достаточно свободного места для будущих зданий. Пустовала северная сторона верхней части наметившейся улицы. Да и в нижней, более ровной, части, там, где сейчас находится курортный парк «Цветник», много места занимало большое болото, образованное стоками минеральных вод, сбегавших с горы Горячей.

И еще одно средоточие жилья уже появилось тогда на Горячих Водах – Солдатская слободка, расположенная чуть в стороне от основного поселения, но достаточно близко к войсковому лагерю, устроенному для охраны жителей и приезжих. Ныне на этом месте находится сквер со знаменитым фонтаном «Гномы», а в ту пору как попало стояли домки и домишки, где находили приют посетители победнее.

Чтобы закончить описание того, что мог увидеть Пушкин с высот горы Горячей, остается указать лишь существовавшие в ту пору общественные здания. Их было немного. В самом поселении, кроме ваннных зданий и Оборонительной казармы на горе Горячей, о которых уже шла речь, на территории нынешнего парка «Цветник», вероятно, уже стоял так называемый Общественный дом. «Вероятно» – потому, что строили его как раз в это время – в 1819—1820 годах и к моменту приезда Пушкина могли не закончить. Служил он, в первую очередь гостиницей для неимущих офицеров, а, кроме того, в нем располагались «почтовая экспедиция и чертежная инженеров, имеющих надзор за строительством» – говорится в книге профессора А. П. Нелюбина, побывавшего здесь в 1823 году.

Неподалеку, приблизительно там, где сейчас вы видим Лермонтовские ванны, Пушкин мог видеть цейхгауз – склад оружия и армейского снаряжения. Наконец, в «Ведомости постов и караулов», которые ставились для охраны Горячих Вод в 1825 году, упоминается «карантин», то есть помещения для изоляции больных, явно сохранившегося со времен чумной эпидемии 1804 – 1808 годов. В той же «Ведомости» назван и «Воловий двор». Находились оба эти объекта в долине Подкумка, в районе нынешнего автовокзала. Но нас с вами они интересуют не они, а жилые дома в самом поселке. Ведь очень важно знать, где поселился и где бывал Пушкин во время своего первого посещения Вод.

Казалось бы, тут все просто. Стоит открыть любой путеводитель или книгу по истории Кавказских Минеральных Вод, как станет ясно, что летом 1820 года поэт вместе с семейством генерала Н.Н.Раевского жил в усадьбе Алексея Федоровича Реброва, которую заранее снял сын Александр, служивший неподалеку, в Георгиевске. Место это настолько прочно связывалось в именовании Пушкина, что несколько лет назад на одном из домов бывшей усадьбы Реброва (адрес – улица Карла Маркса, 6) была даже установлена мемориальная доска, свидетельствующая, что данный дом есть главное пушкинское место Пятигорска.

Но давайте посмотрим, так ли это? Серьезные специалисты-краеведы С.В.Боглачев и Н.В.Маркелов, интересовавшиеся этим вопросом, как ни старались, не смогли отыскать никаких документальных данных о проживании Пушкина и Раевских летом 1820 года в пятигорской усадьбе Реброва. Насколько им удалось установить, все сведения об этом, кочующие из книги в книгу, из статьи в статью, относятся ко второй половине XX столетия. В более ранней литературе никаких сведений о связи ребровской усадьбы с Пушкиным не встречается. Значит, это факт, далеко не бесспорный.

И современники Пушкина тоже на этот счет не говорят ни слова. А ведь и поэт, и генерал, будучи людьми широко известными, представляли значительный интерес для россиян. И если уж никто из приезжих не придал значения месту их жительства, то, надо полагать, что сам Ребров, человек, не лишенный тщеславия, обязательно хоть словом обмолвился бы где-нибудь, что оказывал им гостеприимство в своем пятигорском доме. Кстати сказать, и сам Алексей

Федорович был в наших краях фигурой заметной – не могли друзья и знакомые пройти мимо его причастности к столь знаменитым персонам. Вспомним, сколько говорилось о знаменитых гостях его кисловодского дома!

А самый главный аргумент против версии об усадьбе Реброва состоит в том, что летом 1820 года усадьбы этой скорей всего просто не существовало. Вспомним картину, увиденную нами вместе с Александром Сергеевичем с горы Горячей: все курортное поселение вмещается в рамки Горячеводской долины. Разбивка же кварталов, а, следовательно, и строительство домов за ее пределами, как мы знаем, началось после 1822 года. Откуда же взяться на еще не освоенной территории большой, обустроенной усадьбе?

Можно, конечно, предположить, что Алексей Федорович, не побоявшись строиться вне охраняемой зоны и будучи в самых добрых отношениях со всесильным Ермоловым, сумел получить участок раньше этого срока. Но и в этом случае строительство там не могло начаться до 1819 года, потому что только тогда Ермолов впервые стал вникать в строительные дела на Горячих Водах и мог выделить Реброву участок. А построить усадьбу со всеми необходимыми службами менее чем за год было решительно невозможно, учитывая тогдашнюю нехватку строительных материалов и рабочих рук.

Но если наши сомнения по поводу дома Реброва все же справедливы, то возникает вопрос, а где же могли жить знаменитые гости? Ведь для размещения важной персоны с довольно большой семьей и множеством сопровождающих лиц требовалась именно такая усадьба, которая появилась позднее у Реброва – с большим домом, флигелями, кухнями, погребам, конюшнями, сенниками, сараями для экипажей. Была ли к тому времени на Горячих Водах такая усадьба? Да, была, несмотря на то, что поселение в Горячеводской долине и небольшая солдатская слободка при нем состояли тогда в основном из глинобитных, турлучных, в лучшем случае, деревянных домиков.

Дело в том, что кавказский губернатор М.Л.Малинский, назначенный на эту должность в 1812 году, решил перенести центр губернии из города Георгиевска на Горячие Воды. Высочайшего согласия на это не последовало. Однако Марк Леонтьевич не отступился от своего намерения, о чем свидетельствуют слова Елены Соболевой о том, что дома ее отцом были построены «по приглашению и убеждению главного начальства». А таковым для чиновной публики был, конечно, губернатор, призыву которого строить дома на Водах она последовала. И даже не просто призыву, а личному примеру, ибо Марк Леонтьевич, одним из первых, возвел себе дом у целительных горячих ключей. Подтверждение? Пожалуйста: в книге «Пятигорск в исторических документах» опубликовано письмо Ермолова Малинскому: «...прошу ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы вновь никаких не было производимо партикулярных строений, особливо по обеим сторонам дома, **вашему превосходительству принадлежащего**, ибо сии места остаются одни несколько более прочих удобные». (выделено мною —В.Х.).

Место, где стоял губернаторский дом, довольно легко вычислить. Сегодня на этом месте находится Центральная питьевая галерея. А на плане Пятигорска 1831 года это домовладение значится под №13. Правда, к тому времени у него был другой владелец, генерал С. Д. Мерлини. Это вполне объяснимо. В 1819 году Малинский, вызывавший недовольство генерала Ермолова, сложил свои полномочия и тут же уехал с Кавказа, подальше от всевластного «проконсула». Свой дом на Водах, он, конечно же, продал. Как раз в это время на Водах появился С. Д. Мерлини, пожелавший приобрести здесь жилье. И губернаторский дом, видимо, оказался ему наиболее подходящим, поскольку был «каменного строения... о десяти покоях разной величины», имел большой земельный участок и все необходимые службы. Надо полагать, что за год Станислав Демьянович и его супруга, Екатерина Ивановна, еще не успели обжиться в нем, и охотно приняли предложение сына генерала Раевского, Александра, сдать на лето усадьбу его отцу. Об этой супружеской паре нам еще предстоит вести разговор. Пока же заме-

тим: хотя никаких документальных подтверждений тому не имеется, но лучшего помещения для семейства Раевского, чем усадьба генерала Мерлини, в то время было не найти.

Увы, до наших дней усадьба не дожила. При строительстве Центральной питьевой галереи были разрушены все ее постройки, в том числе, и здание, в котором могли жить во время пребывания в Пятигорске Александр Сергеевич Пушкин и прославленный военачальник Николай Николаевич Раевский.

Встреча с английским шпионом

Программа развлечений посетителей Вод обязательно включала поездку в расположенную неподалеку от Горячих Вод колонию Каррас. Ее основали в 1802 году шотландские миссионеры. Но, не сумев наладить нормальную жизнь, пригласили в помощь себе хозяйственных немцев, которые уже несколько лет спустя стали основными обитателями колонии. В письме генерала Раевского читаем: «Мы ездили в называемую неправильно шотландскую колонию, ибо их только две фамилии, кои миссионеры лондонского Библейского общества, остальные же разные немцы».

Поездка туда была, конечно же, очень интересна Пушкину. В отличие от представителей досужего «водяного общества», воспринимавших шотландскую колонию лишь как некий экзотический уголок «просвещенной Европы» в «дикой Азии», Александр Сергеевич мог серьезно заинтересоваться деятельностью посланцев Библейского общества, их трудной жизнью в чуждой стране. К тому же скромные миссионеры были для него представителями романтической Шотландии, так ярко представленной в произведениях любимого им Вальтера Скотта. И, несомненно, беседуя с еще оставшимися на Кавказе шотландцами – Александром Патерсоном и Джеймсом Галловаем, – Пушкин расспрашивал их о далекой родине, ее истории и культуре.

Беседа, как предполагают современные историки, могла вестись на немецком языке, который знали обе стороны. А вот языком собеседников Пушкин не владел, и досада этому поводу могла подтолкнуть его к изучению английского, которым он, как известно, занялся на Водах. Впрочем, возможно, что толчком к этому послужили наблюдаемые им уроки языка, которые брала дочь генерала Раевского, Мария, у сопровождавшей ее гувернантки, мисс Мятен.

Есть и еще один «английский след» в пушкинском бытии того лета – встречи поэта с Джорджем Виллоком, чиновником английской миссии в Персии и братом английского поверенного в этой стране. Виллока не без основания считали английским шпионом и вели за ним скрытое наблюдение. Но Пушкина этот англичанин интересовал, прежде всего, как представитель страны, в которой жил и творил Байрон, кумир многих тогдашних образованных россиян. Виллок дважды посещал генерала Раевского. Тем не менее, Пушкин захотел увидеться с ним еще раз и в сопровождении друзей навестил англичанина на его квартире.

Местонахождение этой квартиры краоведам не известно. Но помощь в ее отыскании может оказать другой замечательный гость Пятигорска, М.Ю.Лермонтов, а точнее его двоюродный дядя, генерал-майор Павел Иванович Петров, который еще в 1818 году побывал в наших краях, как ремонтер, закупавший лошадей для Александрийского гусарского полка. «Ведомости посетителей Горячих Вод» сообщают о том, что этот «ротмистр и кавалер» прибыл 7 июня и остановился «у Макеевой». Простое упоминание фамилии домохозяйки, без каких-либо пояснений, заставляет предположить, что это какая-нибудь унтер-офицерская вдова, имевшая домик в Солдаткой слободке.

Но вот другой документ, уже связанный с Пушкиным. Осуществлявший тайный надзор за Виллоком майор Красовский докладывал по начальству: «...английский чиновник Виллок с состоящим при нем персидским переводчиком, по прибытии 20-го числа июня на горячие минеральные воды... остановился в нанятом им доме у вдовы губернской секретарши Анны

Петровны Макеевой, платя за оную в сутки по три рубля медью». Вот тебе и унтер-офицерская вдова! Конечно, чин губернского секретаря, который имел супруг Анны Петровны, соответствовал всего-навсего армейскому поручику. Но иметь его могли лишь лица дворянского сословия. Стало быть, дом вдовицы едва ли был хибаркой, иначе вряд ли знатный иностранец нанял бы его.

Встречу, которая произошла на квартире Виллока, в доме Макеевой, зафиксировал тот же, наблюдавший за подозрительным гостем, офицер: «21 числа поутру (Виллок) был в старых ваннах, купался... по возвращении на квартиру приходили к нему ...ротмистр Николай Николаевич Раевский (сын генерала) и недоросль, состоящий в свите Его Высокопревосходительства генерала Раевского, Александр Сергеевич Пушкин». «Недорослем», как мы помним, из озорства записал себя в книгу приезжих сам Пушкин, а насчет нахождения его в генеральской свите домыслил уже Красовский. Впрочем, это не столь существенно. Важно то, что поэт в доме Макеевой был, а раз так, значит, дом этот, бесспорно, может считаться одним из пушкинских мест Пятигорска.

Как же все-таки отыскать его? В основных источниках наших сведений о жителях раннего Пятигорска – списках домовладельцев, составленных в начале 30-х годов XIX столетия Иосифом Бернардацци и доктором Конради, – фамилия Макеевой не значится. Характерные приметы, иногда очень помогающие в поисках, у дома тоже отсутствуют. Известны лишь имена двух его постояльца и годы, когда они пользовались гостеприимством Анны Петровны.

Первый вывод, который нам подсказывают эти скудные данные, таков: социальное положение, как самой Макеевой, так и ее постояльцев – английского дипломата и гусарского ротмистра – свидетельствуют, что дом не мог находиться ни в Солдатской слободке, расположенной у западной окраины Горячеводского поселения, ни тем более, в слободке при Константиногорской крепости, достаточно далеко отстоящей от источников. Домовладение «губернской секретарши» явно находилось в границах самого поселения, а это значительно суживает район поисков.

Второй вывод должен опираться на даты: раз дом существовал уже в 1818 году, его надо искать только в Горячеводской долине. Строительство домов за ее пределами, как мы уже говорили, началось позднее, в 20-е годы. Таким образом, в поле нашего зрения попадают два небольших ряда домов: по северной стороне, напротив нынешнего «Цветника» и по южной – от нынешней курортной поликлиники до начала подъема к Академической галерее. Согласно плану, составленному Иосифом Бернардацци, на этой территории имелось всего двенадцать участков, два из которых предназначались для казенных зданий и застроены не были. Остается десять. Территория напротив нынешнего «Цветника», наиболее удобная для строительства, явно была отведена чиновникам достаточно высокого ранга. Губернского секретаря Макеева или его вдову вряд ли допустили бы туда.

Другое дело – южная сторона долины. Крутая и гористая, она была отдана лицам, менее значительным, имена которых, кстати, хорошо известны. Это, прежде всего, уже упоминавшийся аптекарь Иван Матвеевич Соболев, занявший два участка – по обеим сторонам дороги, ведущей на вершину горы Горячей. Выше соболевских находился участок, который оставил за собой губернский архитектор Мясников. За ним на плане Бернардацци помечено домовладение наследников Барковского, губернского продовольственного комиссара. Далее следует дом купца Шапкина, и, наконец, замыкает ряд усадьба генеральши Хастатовой.

Не странно ли, что среди домовладельцев, принадлежавшим к дворянскому сословию, к которым относились Хастатова и Барковский, Мясников и Соболев, затесался купец Шапкин? Да, он был богат. Да, многое сделал для нарождавшихся курортов. Но ведь для дворянской, чиновничьей публики, любой, даже крупный торговец, оставался плебеем, «купчишкой». И, раздавая землю для строительства, губернатор вряд ли позволил бы ему поселиться

по соседству с генеральшей и продовольственным комиссаром. К тому же владельцем участка Шапкин стал гораздо позднее, в 1823 году.

А кто жил там ранее? Несомненно, кто-то из своих, губернских чиновников, последовавших призыву губернатора строиться на Водах. Или чиновничья вдова, получившая возможность зарабатывать сдачей квартир свой кусок хлеба. К сожалению, у нас нет никаких документальных оснований утверждать, что участком №2 (на плане Бернардацци) до 1823 года владела «губернская секретарша Макеева», но, согласитесь, это очень и очень вероятно.

Несомненно, пушкинских мест в Пятигорске могло быть и больше. Ведь на Водах одновременно с поэтом находились его петербургские друзья, приятели и просто знакомые, у которых он бывал в гостях. Нам известны некоторые имена – литератор Г.В.Герарков, отец его лицейского товарища Г.П.Ржевский, офицеры-гвардейцы А. Н. Марин и С.И.Мещерский. Но, увы, не известны дома, где они жили тем летом. Пожалуй, только одно место – то, где велись долгие душевные беседы с Александром Раевским, старшим сыном генерала, мы хорошо знаем. Это берег Подкумка. Позднее Александр Сергеевич сам вспоминал о том, как сидели они там, «прислушиваясь к мелодии вод», которая аккомпанировала их разговорам на философские темы.

В такой же романтической обстановке велись беседы и на Железных Водах, куда приезжие обычно перебирались, завершив лечение горячими водами Машука.

«Мы здесь в лагере, как цыгане...»

Если поселение на Горячих Водах все же имело относительно благоустроенный вид, то совсем иную картину Пушкину пришлось увидеть у подножья горы Железной, куда, вместе с Раевскими он прибыл 2 июля. Курорт этот, если его можно так назвать, только-только начинал свою жизнь.

Еще за десять лет до интересующего нас времени, о ключе минеральной воды, расположенном между Железной горой и Бештау, имелись лишь смутные противоречивые слухи: то говорили, что источник находится на склоне Бештау, то оказывалось, что бьет он на соседней горе, а то и вовсе на отдаленной возвышенности. Его называли то горячим, то холодным, то единственным, то одним из нескольких, вытекающих по соседству. И лишь настойчивость приехавшего из Москвы доктора-филантропа Федора Петровича Гааза и помощь кабардинского князя Измаил-бея позволила обнаружить ценный источник.

Коллеги доктора сразу же заинтересовались новыми водами. Уже следующим летом с ними пожелала ознакомиться целая группа ученых – они были приведены князем Измаил-беем к подножью горы, которую Гааз назвал в честь великого князя Константина, брата императора. То же имя он дал и источникам, вытекавшим у ее подножья. Но названия эти не прижились. Федор Петрович сам обозначил важное свойство вод, которое и закрепилось в их названии. Известность получила не Константиновская, а Железная гора, щедро дарующая людям не Константиновские, а Железные воды.

Пользоваться ими начали уже два года спустя после открытия их Гаазом. Поначалу сюда приезжали, главным образом, раненые и увечные участники Отечественной войны. Вскоре к ним присоединилось местное, кавказское воинство, а потом и приезжие из России. Но к лету 1820 года местность у источника была все же еще совершенно не обустроена, лишь неподалеку, на крутом склоне горы, солдаты расчистили небольшую площадку, где стояло несколько калмыцких кибиток. В них приезжие жили, а принимали ванны в яме, огороженной плетнем. Со всех сторон этот небольшой «пяточок» окружала непроходимая лесная чаща.

Как же протекала жизнь приезжих? Поблагодарим еще раз генерала Раевского за его письма, давшие нам ответ на этот вопрос, а так же обрисовавшие картину того, что представляли собой тогда сами Железные Воды: «Мы здесь в лагере, как цыгане, на половине высо-

кой горы... Места так мало, что и 100 шагов сделать негде – или лезть в пропасть или лезть на стену. Но картину пред собой имею прекрасную, т.е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которые мы оставили.купаюсь три раза, ем один раз, играю в бостон – вот физическое упражнение...».

А что же Пушкин? Естественно, что необыкновенная живописность и первобытная дикость горно-лесного пейзажа, восхищавшая всех, приезжавших на Железные Воды, не могла оставить его равнодушным. И конечно, буйная, деятельная натура «мальчишки-недоросля» не ограничивалась только созерцанием окружающей красоты. Из письма брату мы знаем, что кроме Машука и Бештау, Пушкин поднимался и на другие окрестные вершины. Совершать путешествия на упоминаемые в письме горы – Железную, «Каменную» (Развалку) и «Змеиную» (Змейку), – удобнее всего именно от железноводского источника. Так что, по крайней мере, три дня из более, чем трехнедельного его пребывания там были посвящены «туристским вылазкам».

А чем были заняты остальные дни? Ближние прогулки по крутым, заросшим густым лесом, склонам едва ли могли доставить удовольствие даже энергичному молодому человеку. Да и не безопасны они были – не зря же Раевский отмечал присутствие в их лагере 30 солдат и 30 казаков, которые охраняли лечащихся от возможного нападения горцев. Значит, поэту оставалось, следуя примеру генерала, есть, купаться и играть в бостон. Тоска!

К счастью, в нем уже пробудился дар стихотворца, на время подавленный обилием новых ярких впечатлений, которые должно было «переварить» его сознание. Однообразие жизни на Железных Водах позволило сделать это. И вот теперь начали рождаться поэтические строки Эпилога к поэме «Руслан и Людмила». В рукописи указана дата окончания работы над ним – 26 июля. Некоторые пишущие о Пушкине, уверяют, что в этот день он, вместе с Раевскими, переехал на Кислые Воды и что Эпилог был написан там. Но давайте прочтем следующие строки этого отрывка, обратив особое внимание на выделенные мною слова:

Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин

Природы дикой и угрюмой

Каждый, кому знакомы пейзажи Кисловодска и Железноводска, согласится, что эти строки отражают увиденное именно на Железных Водах. Стало быть, находясь там, Пушкин явно не скучал, занятый творческим трудом.

А главное – рядом находились интересные собеседники. Н.Н.Раевский называет их: «... генерал Марков, сенатор Волконский, три гвардейских офицера... составляют колонию». Офицеры-гвардейцы, это, конечно же, сын генерала Николай, а так же столичные знакомые Пушкина А. Н. Марин и С.И.Мещерский. Однако гораздо более притягивали Пушкина представители старшего поколения – генерал Раевский и лица, упомянутые в его письме. Все трое – и сам Николай Николаевич Раевский, и генерал Ираклий Иванович Марков, и сенатор Дмитрий Михайлович Волконский были старыми кавказцами, воевавшими здесь на рубеже XVIII – XIX веков: Раевский был командиром Нижегородского драгунского полка, квартировавшего в Георгиевске, Волконский и Марков в разные годы командовали войсками на Кавказской линии.

Каждому было что вспомнить. И, оказавшись вместе в этом тихом пустынном лесном уголке, они, разумеется, пустились в воспоминания, которым могли предаваться здесь без всяких помех. Сколько припомнено было ими по вечерам у нехитрого лагерного костра, так похожего на те, у которых сживали они в юности! Сколько рассказано под надоедливый шум дождя в калмыцкой кибитке, напоминающей о походных шатрах давно минувших лет.

Можно только догадываться, как много почерпнул из их бесед любознательный «сочинитель», жаждущий узнать о прошлом удивительного края, куда занесла его счастливая судьба. Рассказы убеленных сединами воинов давали богатейшую пищу его творческому воображению. А оно уже начало работу в новом направлении, стараясь дать выход всему, увиденному и услышанному за последние недели. Впечатлений накопилось много, требовалось выстроить их, объединив привлекательным сюжетом.

Он уже смутно бродил в глубинах сознания поэта. Так что вовсе не были тоскливыми дни, проведенные им в глуши железноводского леса!

У Кислых вод

Любопытный факт: к 1820 году официальная история Кавказских Минеральных Вод не насчитывала и двух десятков лет, а курорты уже имели прочно сложившиеся традиции. Одна из них состояла в том, что лечение, начатое на Горячих Водах, следовало продолжать на Железных и обязательно заканчивать на Кислых Водах. Предполагается, что этот порядок ввел первый врач, специально присланный правительством на Воды, Г.И.Сухарев. Правда, не все медики одобряли его систему. Так, сопровождавший Раевских доктор Рудыковский полагал подобное лечение неправильным. Но не посчитал нужным идти против сложившейся традиции и вместе со своими подопечными отправился на Кислые Воды.

Переезд туда семейства Раевских и Пушкина состоялся, скорее всего, 27 июля. И дорога, и пребывание у колодца Нарзана принесли поэту новые впечатления. Но, увы, о них нам практически ничего не известно, так же, как о его времяпрепровождении и встречах на Кислых Водах. Об этом не сохранилось ни воспоминаний современников, ни каких-либо документов. Даже постоянно выручавший нас генерал Раевский не может тут помочь, поскольку ничего не сообщает на этот счет в своих письмах. Почему? Возможно, потому, что пребывание там был слишком кратким – немногим больше недели. Или же после Горячих и Железных, имевших довольно яркие отличительные особенности, Кислые Воды показались ему ничем не примечательными? Не исключено, что ввиду близости отъезда, а, значит, и скорой встречи со старшей

дочерью, своей корреспонденткой, ждавшей его в Крыму, генерал счел излишним описывать ей свое бытие?

Но нам-то как быть? Может быть, все же просить помощи у самого Александра Сергеевича? Придется. А для начала посмотрим, что известно достоверно о Кисловодском поселении тех времен. Собственно говоря, поселения, как такового, еще не существовало. На возвышенности, господствующей над местностью, стояла крепость, построенная в 1803 году. Рядом выросла небольшая солдатская слободка, всего с десятком домиков. Несколько офицерских домов имелось и внутри крепостной ограды.

Источник Нарзана был к тому времени уже каптивирован. Колодец над ним представлял собой восьмиугольный деревянный сруб, называемый «Мясниковским», по имени соорудившего его губернского архитектора. Тут же стояли две небольших деревянных купальни, а жилых зданий поблизости в ту пору практически не было. Больные, не желавшие спускаться к источнику из крепости, нанимали калмыцкие кибитки. Но, надо полагать, что семейство Раевских и Пушкин поселились все же в крепости – генералу, как особо важному гостю, был предоставлен один из офицерских домов, скорее всего, дом коменданта, которым в ту пору был майор Курило. О своем знакомстве с ним сообщает нам сам Пушкин. Но об этом – позднее.

Посетителей на Кислых водах бывало, особенно в первые годы существования Кавказских курортов, меньше, чем на Горячих. Некоторых смущало отсутствие жилья и элементарных бытовых удобств, других пугала опасность нападения горцев – ведь граница с Кабардой проходила совсем рядом. Во всяком случае, в 1818 году, согласно «Ведомости посетителей Кислых Вод», за период самого активного перемещения с курорта на курорт – с 22 июля по 5 августа – сюда прибыло всего 8 человек (не считая прислуги). Не намного больше приезжих явно было и летом 1820 года. Скорее всего, сюда перебрались в основном те, кто окружал Пушкина и Раевских в предыдущие дни их пребывания на Водах.

Тут мы уже вступаем уже в область предположений, так же, как и при попытке утверждать, что времяпровождение и генерала, и поэта здесь было похоже на прежнее – беседы, карты, купание в Нарзана. И конечно, прогулки. Знаменитого кисловодского парка тогда еще не существовало – его стали создавать в 1823 году, но гулять по долине реки Ольховки, взбираясь на окрестные возвышенности, вполне могли, как члены генеральского семейства, так и Пушкин.

Наверняка, совершал он и верховые поездки. О пребывании Пушкина в Кисловодске существуют легенды, издавна бытовавшие среди городских обывателей. Некоторые дожили до наших дней и нередко повторяются современными краеведами. Одна из таких легенд утверждает, что как-то раз Пушкин вместе с Николаем Раевским уехали в длительную прогулку по окрестностям, никого не предупредив, и вернулись так поздно, что встревоженный генерал потребовал послать на их розыски казаков. Случай вполне вероятный. И вполне согласующийся с поведением «недоросля», который и в те, и в последующие времена не избегал рискованных ситуаций.

И, конечно же, многие часы, проведенные в этих романтических местах, были отданы поэзии. Творческий порыв, возникший на Железных Водах, нашел дальнейшее продолжение близ колодца «Богатырь-воды». Именно здесь, как известно, родился и оформился замысел поэмы «Кавказский пленник». Кисловодские легенды утверждают, что толчком к написанию поэмы послужила встреча поэта со старым солдатом, который рассказал о том, как попал в плен к горцам и бежал оттуда при содействии влюбленной в него черкешенки. Указывается даже конкретное место, где эта встреча произошла – духан некоего Наркизова, якобы располагавшийся на Казачьей горке. Встречу эту довольно живописно изобразил в своем романе «Железом и кровью» писатель конца XIX века Д. Мордовцев. Упоминается она неоднократно и современными любителями поговорить о пребывании Пушкина на Водах.

К их огорчению следует сказать, что вряд ли в ту начальную пору жизни курорта там мог существовать духан, предполагавший определенный уровень курортного сервиса, едва ли достигнутый к 1820 году. И уж, конечно, не мог располагаться этот духан на возвышенности, которая являлась стратегически важным пунктом в обороне поселения и служила местом размещения сторожевого поста. Разумеется, встреча могла произойти и в другом месте. Но, в отличие от краеведов, любящих поговорить о ней, серьезные исследователи творчества Пушкина, убеждены, что вряд ли такая встреча могла сыграть решающую роль в рождении замысла поэмы, поскольку «...многочисленные истории о заложниках и их освобождении были на Кавказе своего рода бродячим сюжетом». Подобных историй Пушкин мог наслушаться и на Горячих, и на Железных Водах, а беседа с солдатом у Нарзана, если и состоялась, то просто подтолкнула работу творческой мысли Александра Сергеевича или же дала ему какие-то конкретные детали.

Но, так или иначе, поэма была создана и стала первым, поистине драгоценным, даром Кавказа российской словесности. Она открыла собой целое направление, сделавшее предметом изображения взаимоотношения россиян с горцами. Произведения Лермонтова, Толстого, других, менее значительных русских писателей – все они имеют отправной точкой поэму Пушкина. Ее отголоски звучат даже в книгах на кавказскую тему, написанных в XXI столетии. Но и этим значение поэмы не ограничивается...

Вскоре после отъезда с Вод поэт передал свои «курортные впечатления» в стихотворении «А видел Азии бесплодные пределы. Позднее мысли и картины этого стихотворения переплавятся и отольются в чеканные строфы последней главы «Евгения Онегина»:

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук.
Машук, податель струй целебных:
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой...

Далее удивительно точно и полно передается перечень недугов, с которыми приезжали на Горячие Воды тогдашние больные. И, в этом смысле, восхищающие поэтической силой, пушкинские строки могут служить и своеобразным пособием для историка курортной медицины. Нам же они позволяют сказать: не только чудесными пейзажами и экзотическими фигурами горцев интересовался Пушкин, живя у подножия Машука, но и вникал, может быть, походя, «в процесс курортного лечения», как бы мы сказали сегодня.

О глубоком интересе «беспечного недоросля» к целебным водам свидетельствует и еще одно место в романе. Это строки в главе седьмой, правда, позднее исключенные из текста – их приводит в своей статье «Гроздья каменного винограда» Ю. Федотов:

Цветок полей, листок дубрав,
В ручье кавказском каменеет.
В волненье жизни так мертвеет
И ветренный, и нежный нрав.

Рождению образа помогло подмеченное Пушкиным свойство горячих минеральных источников покрывать отложениями своих солей любой предмет, опущенный в их воду. Во время прогулок по Горячеводскому поселению, он, видимо, не раз видел своеобразные

пятигорские сувениры – словно окаменевшие листья, цветы, фрукты, виноградные гроздья – местные жители специально клали их в горячие ручьи, чтобы продавать приезжим.

Приведенные выше отрывки, конечно же, не позволяют достаточно прочно привязать роман «Евгений Онегин» к Кавказским Минеральным Водам. Куда более тесную и органичную связь их с крупнейшим пушкинским произведением подметил в своей книге «Новый Парнас» профессор А.В.Очман. Анализируя поэму «Кавказский пленник», он обращает внимание на замечания Пушкина по поводу своего героя: «... характер главного лица приличен более роману». Далее читаем: «Кавказский пленник» в сюжетном развороте, в освещении и трактовке пленника и черкешенки, в рельефном проявлении авторского «я», в эпическом повествовании можно безошибочно назвать претекстом «Евгения Онегина».

Не каждый согласится с категоричностью этого утверждения, но нельзя отрицать воздействие поэмы «Кавказский пленник» на роман в стихах, который Пушкин начал писать очень скоро, всего через два года после нее. А значит, и обстоятельства, давшие жизнь поэме, и напрямую связанные с пребыванием Пушкина на Кавказских Водах, способствовали в той или иной степени и рождению такого выдающегося произведения, как «Евгений Онегин», в котором находим строки, подтверждающие связь – не отдельных произведений, но значительной части пушкинского наследия – с Кавказом. Впрочем, говорить о других проявлениях этой связи стоит лишь после того, как мы познакомимся с некоторыми подробностями второй поездки Пушкина на Кавказ в 1829 году.

«Нашёл я большую перемену...»

Итак, прошло девять лет. Пушкин снова на Кавказе. На этот раз знакомство с далеким волшебным краем не ограничивается Кавказскими Минеральными Водами. Проезжая по Военно-Грузинской дороге, поэт любит снежными громадами и мрачными теснинами Кавказского хребта, потом осматривает цветущие долины и каменистые, выжженные солнцем плато Закавказья. Новые впечатления помогли созданию книги дорожных записок «Путешествие в Арзрум», нашли выражение в неоконченной поэме «Тазит» и прекрасных кавказских стихах – «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «На холмах Грузии», «Не пленяйся бранной славой» и других.

Большинство пишущих о второй поездке Пушкина на Кавказ обращают главное внимание на причины, позвавшие поэта в путь, обстоятельства, предшествующие выезду, на маршрут путешествия и, конечно, пребывание Александра Сергеевича в зоне военных действий. Посещение же Кавказских Минеральных Вод оказывается как бы в тени всего остального, связанного с поездкой. Но нас должен интересовать именно этот эпизод биографии поэта. И посему давайте присмотримся повнимательнее к обстоятельствам его вторичного пребывания у подножья Машука и колодца «Богатырь-воды».

Как известно, в 1829 году на Горячих Водах Пушкин побывал дважды – 13 мая, по пути в Тифлис, и в августе-сентябре, возвращаясь из Закавказья. Тогда же он посетил и Кислые Воды. По моему мнению, первый визит имел для Пушкина гораздо большее значение, чем второй. Ведь не случайно же ради того, чтобы побывать на Водах, он специально свернул с главного тракта и сделал крюк более, чем в сорок верст. Не случайно и то, что однодневный (по другим данным, двухдневный) визит к подножью Машука нашел отражение в его дорожных записках. А о повторном, почти месячном, пребывании на Горячих и Кислых Водах там нет ни строчки.

Причин тому, думается, несколько. Немаловажную роль могло сыграть то обстоятельство, что второй раз Пушкин попал на Воды после разъездов по Закавказью и пребывания на театре военных действий, после многочисленных встреч с близкими ему людьми. Ясно, что обилие этих, новых, ярких и сильных, впечатлений отеснило в сознании поэта на второй план

все, встреченное им на Водах – картины, в общем-то уже известных мест и общение с людьми, не столь замечательными, как те, что были встречены в Закавказье.

Свою роль в равнодушии к курортным местам сыграло и то, что Пушкин – как ни печально об этом говорить – львиную долю времени, проведенного здесь, отдал владевшей им тогда роковой страсти к карточной игре. Как вспоминал впоследствии М.И.Пуцин, брат лицейского товарища Пушкина, Александр Сергеевич сел за зеленый стол в первый же день приезда в Пятигорск. И, несмотря на обещания вскоре последовать за Пуциным в Кисловодск, более недели не показывался туда, после чего появился вместе со своим карточным партнером, Дороховым, «оба продувшись до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им у Раевского на дорогу». В Кисловодске игра продолжалась, несмотря на твердое намерение Пушкина «вести жизнь правильную и много заниматься». Каждое утро он просил подавать ему верховую лошадь, якобы для верховой прогулки, но доезжал только до Солдатской слободки, где квартировал некий Астафьев, и садился с ним за карты в надежде отыграть проигранные деньги. Правда, сумел вернуть лишь «червонцев двадцать».

Переселившись из Ресторации в дом Реброва, Пушкин с Пуциным, регулярно обедали у своего петербургского приятеля Петра Васильевича Шереметева, жившего там же и собиравшего за своим столом довольно большую компанию. После обеда собравшиеся садились опять-таки за карты. При таком образе жизни поэту было не до лечения, хотя ванны он все же, видимо, по утрам, принимал – об этом имеется собственноручная запись Пушкина в «Журнале принимаемым ежедневно гг. посетителями ваннам».

Избегал поэт и новых знакомств. Единственное исключение, кроме Астафьева с которым Александр Сергеевич спознался на почве карт в пятигорской Ресторации, составляла, по словам Пуцина, «личность, очень привлекательная для Пушкина: сарапульский городничий Дуров, брат той Дуровой, которая служила в каком-то гусарском полку во время 1812 года, получила Георгиевский крест... Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним».

Увы, и это знакомство имело своей основой то же «зеленое сукно» – карточные баталии Пушкина с Дуровым окончились тем, что уже по пути в Москву тот выиграл у него пять тысяч рублей, занятых в Новочеркасске у казачьего атамана. Тем не менее, знакомство с Дуровым не прошло для Пушкина бесследно, и нам еще придется вспомнить о нем. Как, впрочем, и о некоторых других моментах, связанных с этим, самым последним посещением Кавказских Вод.

На первый взгляд, оно, как будто, не оставило видимого следа в письменном наследии Пушкина. А если принять во внимание все, сказанное выше, то и в памяти его могли сохраниться одни лишь дурные воспоминания. Однако не нужно забывать, что мы имеем дело с человеком творческим, сознание которого действует по иным законам. Чтобы лучше понять их, обратимся еще раз к воспоминаниям Пуцина, главного свидетеля этого периода жизни поэта: «Приехавши в Пятигорск, я собрался сейчас же все осмотреть и приглашал с собою Пушкина; но он отказался, говоря, что знает тут все, как свои пальцы, что очень устал и желает отдохнуть».

Здесь становится видна важная роль майского визита Пушкина на Горячие Воды. Жажда встречи с местами, так восхитившими его девять лет назад, он специально отклонился от основного маршрута поездки. Потратил лишние день или два, чтобы осмотреть Горячеводское поселение. Но увиденное разочаровало его, о чем он и написал в своем «Путешествии в Арзрум»: «Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь я нашел большую перемену...». Эта перемена, так огорчившая Александра Сергеевича в мае, и заставила его в августе отказаться от прогулки с Пуциным, заменить ее карточной игрой. Уверен: не будь того, майского

заезда, даже самое горячее желание сесть за ломберный стол не помешало бы Пушкину узнать, все ли осталось таким, каким запомнилось: «...ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большей частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки». Убедившись, что ныне все здесь выглядит совсем не так, «...с грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск» – писал Пушкин в «Путешествии». И вот теперь ему вовсе не хотелось вновь увидеть огорчившие его перемены.

Любопытно и трудно объяснимо отсутствие интереса Пушкина к Кислым Водам – об этом стоит подумать и краоведам, и пушкинистам. Мы отметим лишь, что и давешняя дикость и необустроенность местности у колодца Нарзана не произвела на Пушкина особого впечатления. И теперь, девять лет спустя, обнаружив здесь довольно значительные перемены, он так же остался к ним равнодушен. А ведь в 1829 году он имел возможность поселиться не в убогом офицерском домике крепости, который служил ему приютом летом 1820 года, а в большом и красивом здании кисловодской Ресторации, откуда позднее переехал в не менее комфортабельный дом Реброва, не существовавший в первый его приезд. И ванны он принимал не в кибитке, где температуру Нарзана повышали, бросая в него раскаленные ядра, а в благоустроенной купальне со специальными самоварами для подогрева Нарзана. Но об этом он не говорит ни слова в своем «Путешествии в Арзрум».

А вот о переменах, увиденных на Горячих Водах, сообщает достаточно подробно, что подчеркивает то особое место, которое занимал в сознании и в творческих планах поэта этот уголок Северного Кавказа. Александр Сергеевич отмечает выстроенные здесь «великолепные ванны и дома», имея в виду, конечно же, Николаевские (ныне Лермонтовские) ванны, Ресторацию, Дом для неимущих офицеров (ныне Курортная поликлиника) и другие здания, возведенные итальянскими архитекторами, братьями Бернардацци. Он не может не обратить внимания на «бульвар, обсаженный липками» – одну из главных достопримечательностей молодого курортного поселения. Он замечает и «чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики», которые появилось вблизи Николаевских ванн и у Елизаветинского источника, а так же «павильоны», то есть беседки. Эолу Арфу и беседку Борея еще не успели тогда построить, но уже существовала беседка в модном тогда «китайском вкусе», поставленная над Михайловским источником. Он видит ключи, те самые откуда когда-то черпал воду ковшиком их коры – теперь они «обделаны, выложены камнем». «...на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...» – завершает Пушкин описание примет благоустройства дикой прежде местности. И тут же признается: «Кавказские воды представляют ныне более удобностей, но мне было жаль их прежнего дикого состояния».

Жаль... Почему? Только ли в силу романтического склада души? Конечно, нет. Несомненно, тут сыграли свою роль воспоминания о счастливых днях, проведенных в той, такой свободной, почти не стесненной благами цивилизации, обстановке. А самое главное – дикость и необустроенность местности была дорога Пушкину, как человеку творческому, собиравшемуся описать именно такую романтическую обстановку и вольную жизнь зарождающегося курортного поселения в большом прозаическом произведении, с которым нам с вами следует обязательно познакомиться, чтобы существенно дополнить наши сведения о пребывании Пушкина на Кавказских Минеральных Водах.

Откровенья ненаписанных страниц

Рождение замысла

Не удивляйтесь – речь идет о почти не известном читателю прозаическом произведении, над которым Александр Сергеевич работал после своего второго посещения Кавказа в 1829 году. Позднейшие исследователи дали ему название «Роман на Кавказских Водах». Приступив к его созданию, Пушкин предал бумаге первую главу и составил план дальнейшего развития действия, но так и не довел дело до конца – практически роман остался ненаписанным. Тем не менее, попытавшись прочесть его, мы увидим, что ненаписанные страницы могут быть достаточно красноречивы.

Многое скажет нам даже попытка определить время зарождения замысла. Как правило, его относят к сентябрю 1831 года, когда мысли, связанные с будущим романом, впервые появились на бумаге. Но, думается, что подспудно творческий процесс начался намного раньше, а именно летом 1820 года. И пусть тогда не было написано ни строчки – «кирпичики» тех ярких впечатлений уже легли в «фундамент» будущего романа – знакомясь с его набросками, мы находим и картины курортной жизни именно той поры, и фигуры людей, с большинством которых Пушкин мог встречаться только во время своей первой поездки. Более подробный рассказ о персонажах романа, который еще впереди, позволит нам лучше узнать тогдашнее пушкинское окружение.

Тем же летом, как мы знаем, ему довелось узнать о самых различных драматических ситуациях кавказской жизни – они тоже послужили заготовками для будущих произведений. Одну из них, которая потом найдет отражение и в «Романе на Кавказских Водах», Пушкин реализовал сразу же в поэме «Кавказский пленник», другие ждали своего часа, оставаясь под спудом. Час этот пришел, когда поэт, по его признанию, почувствовал: «лета к смиренной прозе клонят». В 1827 году он начал работать над первой своей прозаической вещью – романом «Арап Петра Великого», обращенном к российской истории. Но с не меньшей силой влекла к себе Пушкина и современность.

Как раз в это время образованные россияне получили возможность познакомиться с французским переводом романа Вальтер Скотта «Сент-Ронанские воды». Пушкин очень почитал этого писателя и, конечно же, прочитал новинку, о чем имеется свидетельство его приятеля Петра Вяземского. И хотя события, описанные там, мало напоминают российскую действительность, роман Вальтер Скотта, действие которого происходит на минеральных водах Испании, несомненно, заставил Пушкина вспомнить увиденное и услышанное на Кавказе. Очень вероятно, что, читая «Сент-Ронанские воды», решил написать свои, «Кавказские воды». И, как знать, не было ли желание побывать там одним из стимулов к поездке на юг в 1829 году?

Ну, а окончательно желание создать на кавказском материале современный бытовой и психологический роман с авантюрно-любовным сюжетом созрело во время этой поездки. Причем, главную роль тут сыграл первый, майский, заезд на Кавказские Минеральные Воды. В августе-сентябре у Пушкина едва ли были позывы к творчеству, если вспомнить все, о чем шла речь в предыдущей главе. Разве что события и встречи тех дней добавили кое-какой материал к тому, которым Александр Сергеевич уже располагал. Ну, а тогда, в мае, специально приехавшись на Горячие Воды для «свидания с молодостью» и бродя по изменившимся местам, доставлявшим ему когда-то столько радости, Пушкин явно думал о том, что может воссоздать их былой облик, сделав метом действия будущего произведения. Он вспоминал давнее – дикость и первозданность тогдашней природы, своих прежних кавказских знакомых, истории, слышанные когда-то от бывалых кавказцев – и укладывал все это в уже начавший вырисовываться

ваться замысел. Одиночество и досуг этого дня, целиком отданного прошлому, позволяли ему, не спеша, обдумывать ситуации и сюжетные коллизии.

К сожалению, различные события последующих месяцев отодвинули работу над романом. И лишь два года спустя, в сентябре 1831 года, живя в Царском Селе, вдали от столичной суеты, Пушкин получил возможность поработать над давно задуманным произведением. Найдя среди своих бумаг чистый листок, он набросал по-французски начальный вариант сюжета. Первая фраза этого небольшого наброска переводится так: «Якубович похищает Марию, которая с ним кокетничала».

«Герой моего воображения»

Александр Иванович Якубович был весьма заметной фигурой в российской истории первой половины XIX столетия. Правда, в наше время он более известен, как участник восстания декабристов, сосланный за это на каторгу. Но современники, в том числе и Пушкин, больше знали другую часть его жизни. Блестящий гвардейский офицер, повеса и бретер, он за участие в дуэли, которая состоялась 12 ноября 1817 года, был переведен в Нижегородский драгунский полк, воевавший на Кавказе.

Здесь началась новая, боевая, биография Якубовича, которая принесла ему не меньшую известность. За шесть с лишним лет пребывания в далекой южной стране, опальный офицер хорошо узнал ее. Он объездил Закавказье и Закубанье, Дагестан, Кабарду, Карачай, забираясь в самые глухие горные ущелья, где порой и дороги-то не было. Бывал Якубович на Горячих Водах, в Кисловодске, Ставрополе. За это время он участвовал в десятках сражений. В бою не щадил себя и однажды получил ранение в голову, умудрившись остаться при этом в живых. У него были повреждены пальцы правой руки, прострелены плечо и нога. Человек отчаянной храбрости, он прославился ею даже среди бывалых кавказцев, которых этим качеством удивить трудно. Более того, он сумел завоевать уважение своих противников-горцев, что тоже удавалось немногим. Историограф Кавказской войны В.А.Потто писал о нем: «Рассказы о Якубовиче ходили по всему Кавказу... Отважные черкесские князья искали его дружбы и гордились быть его кунаками. Они ценили в нем великодушие, верность данному слову и рыцарское обращение с пленными, особенно женщинами».

Пушкин был достаточно хорошо знаком с Якубовичем по Петербургу – в одно время они вместе входили в общество «Зеленая лампа». Известны были Пушкину и обстоятельства, при которых лейб-уланский корнет оказался на Кавказе. Ну, а о его здешних подвигах поэту, несомненно, многое рассказывали летом 1820 года на Водах бывалые кавказцы. Столь яркая судьба не могла не привлечь внимание поэта, который уже тогда хотел писать о нем. «Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде – поэма моя („Кавказский пленник“ – В.Х.) была бы лучше». – сетовал Пушкин позднее, имея в виду, что граница с Кабардой в 1820 году проходила совсем рядом с Горячими Водами.

Вернувшись с Кавказа, Пушкин продолжал следить за тамошним бытием отважного воина. В ноябре 1825 года газета «Северная пчела» поместила статью «Отрывки о Кавказе (из походных записок)», подписанную «А.Я.». Автор ее рассказывал о быте, обычаях, военном искусстве карачаевцев и абазехов (абазин), о которых отзывался с большим уважением и теплом. Пушкин, прочитав статью в Михайловской ссылке, сразу же запросил Александра Бестужева: «Кто написал о горцах в „Пчеле“? Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе... в нем много в самом деле романтизма...»

Вот такого человека автор и решил сделать центральным персонажем «Романа на Кавказских Водах», обыгрывая его любовь к приключениям, необычайным романтическим ситуациям и т. д. Даже сама наружность Якубовича отвечала тогдашним представлениям о роман-

тическом герое. По свидетельству одного из современников, «он был высокого роста, смуглое лицо его имело какое-то свирепое выражение; большие черные на выкате глаза, всегда налитые кровью, сросшиеся густые брови, огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую он носил..., придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое значение».

В нескольких первоначальных набросках Пушкин сохранял подлинную фамилию Якубовича, предполагая сделать его положительным героем. Но позднее Александр Сергеевич отказался от этой мысли. Дело в том, что все годы своего изгнания опальный лейб-улан продолжал ненавидеть Александра I за перевод из гвардии на Кавказ – приказ о переводе он носил у сердца, лелея планы мести императору. Декабристы, с которыми он сошелся по возвращении в Петербург, используя подобный настрой Якубовича, поручили ему возглавить отряд, который в день восстания должен был захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью. Если бы эта акция удалась, восставшие имели бы куда больше шансов на успех. Но в последнюю минуту Якубович отступил, хотя вовсе не страх заставил его отказаться от ответственного поручения – просто ноша оказалась не по силам ему.

Осознав, что подобная личность не годится на амплуа главного героя, Пушкин в последующих вариантах делает его все менее привлекательным и, в конце концов, превращает в злодея, который верховодит шулерами-«банкометами» и даже разбойничает на дорогах, похищая понравившуюся ему девушку. Фамилию он получает такую, что и узнать его можно, и придраться нельзя – Кубович.

Ну, а кто же, взамен его, должен был стать положительным героем? Вопрос этот до сих пор не дает покоя исследователям пушкинского творчества. Человек, в разных вариантах называемый «офицер», «любовник», «*amant*», «жених», получает фамилию Гранев. Это бывалый кавказец, самоотверженный и бесхитростный, искренне и беззаветно любящий героиню. Он был ранен в сражении, побывал в плену у горцев, а, стало быть, в чем-то близок к «Кавказскому пленнику». Именно такая личность, в качестве положительного героя, начинает противостоять «злодею» Кубовичу. Человека с этой фамилией в пушкинском окружении найти пока не удалось, а Пушкин, как известно, поначалу давал героям подлинные имена, и лишь потом, создав на основе прототипов художественные образы, заменял вымышленными. Так что, скорее всего, это образ собирательный, хотя не исключено, что в нем отразились какие-то черты известных нам личностей.

Мария – Алина – Александра

Главная героиня романа во всех вариантах – представительница московского семейства, приехавшего на Воды лечиться. По мере работы над романом Пушкин меняет состав родных, с которыми она приехала, а так же и ее имя и фамилию. В начале, как мы помним, она – Мария. Это обстоятельство, а так же то, что в одном из первых набросков сказано: на Воды приезжают «отец и две дочери», позволяют сделать предположение, что моделью этого семейства послужила семья генерала Раевского, приехавшего на Воды с двумя дочерьми, одну из которых звали Мария. А это, в свою очередь, подтверждает мысль о том, что на замысел романа особенно повлияла поездка на Воды летом 1820 года.

Позднее отец заменен матерью, а вместо сестры у героини появляется брат. Тем самым Пушкин отказывается от мысли описывать Раевских, заменяя их другой семьей – Римских-Корсаковых, тоже достаточно известной. Почему внимание поэта привлекло это семейство? Прежде всего, потому, что их хлебосольный, гостеприимный дом он хорошо знал, как и вся Москва. В гостях здесь часто бывали Алябьев, Мицкевич, Кюхельбекер, Денис Давыдов. Хозяева очень любили устраивать балы и праздники. Связанный с этим семейством родственными узами А. С. Грибоедов описал дом Римских-Корсаковых в своей комедии «Горе от ума»,

как дом Фамусова, хотя главенствовал там не хозяин, отставной камергер, а его супруга, Мария Ивановна.

У нее было трое сыновей и пятеро дочерей. Некоторые из них оставили заметный след в истории российской культуры. Софья, супруга одного из сыновей Марии Ивановны, Сергея, считается прототипом героини комедии «Горе от ума». Другой сын, Григорий, был другом Александра Алябьева, а младшая из дочерей Екатерина, много лет спустя, после ряда драматических событий, стала супругой композитора, который он посвятил ей целый цикл вокальных произведений. Другая дочь Марии Ивановны, Александра, стала впоследствии княгиней Вяземской. Вот она-то и должна интересовать нас.

Дело в том, что в мае 1827 года Мария Ивановна с тремя детьми – сыном Григорием, дочерьми Александрой и Екатериной, поехала лечиться на Кавказские Минеральные Воды и пробыла на Кавказе около года. Путешествие это любопытно во многих отношениях. Начать с того, что по Москве и Петербургу некоторое время спустя после отъезда Корсаковых, поползли слухи: при переезде с Горячих на Кислые Воды семейство подверглось нападению горцев, которые, якобы не только ограбили проезжих, но и пленили старшую дочь, Александру. Говорили и о том, что к ней посватался один из владетелей Дагестана, Шамхал Тарковский, тогда же лечившийся на Горячих Водах. Между прочим, факт его пребывания на курорте документально подтверждает главный врач Ф.П.Конради. Утверждалось, что Шамхал перед сватовством пытался умыкнуть Александру, что, видимо и породило слухи о похищении.

Пушкин одно время увлекался Александрой, и это тоже повлияло на выбор героини. Но главную роль здесь, скорее всего то, что ситуация, в которую попало, или якобы попало, семейство Римских-Корсаковых на Кавказе, гораздо более подходила ему для авантюрно-любовного сюжета будущего романа, чем спокойная, бесконфликтная поездка на Воды Раевских. Вот и появилась в набросках фамилия Корсаковых, у героини мать заменила отца, а брат – сестру. И сама она стала зваться то Алиной, а то и совсем близко – Александриней. Впоследствии брат исчез, а девушка и ее мать получили фамилию Томских, под которой они фигурируют в единственной главе, написанной Пушкиным до того, как он отказался от продолжения работы над «Романом на Кавказских Водах».

В этой главе есть портрет героини – «девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами». Такой и была, по утверждению знавших ее, Александра Римская-Корсакова.

«Действующие лица и исполнители»

Наброски «Романа на Кавказских Водах» достаточно плотно населены будущими персонажами. Просмотрев все варианты плана, можно насчитать не менее трех десятков «действующих лиц». Одни, по мере работы над «Романом» исчезают, заменяясь новыми, другие проходят от начала до конца. Прежде всего, обратимся к лицам, с одной стороны, играющим достаточно важную роль в романе, с другой – интересных нам для знакомства с жизнью Кавказских Вод и пребыванием там Пушкина. Можно даже попытаться определить, кто из реальных лиц определен автором играть их роли до тех пор, пока они не превратятся в типажи и обретут придуманные для них имена.

Это, прежде всего, майор Курисов, прототипом которого послужил вполне реальный и хорошо известный на Кавказе человек. В 1819 году Константиногорская крепость стала штаб-квартирой Тенгинского пехотного полка. В российской военной истории он прославился своим непременным участием не просто во всех войнах, которые вела тогда Россия, но в самых жарких сражениях. Среди тенгинцев было немало истинных героев. Это, например, знаменитый Архип Осипов, взорвавший себя вместе с укреплением, когда в него ворвались враги. Это и командир 3-го батальона майор Иван Алексеевич Курило (старший из двух братьев Курило,

служивших в Тенгинском полку), именем которого горцы пугали своих детей. В 1820 году он уже не участвовал в боях, будучи назначен комендантом кисловодской крепости, а так же «смотрителем кислых вод», почтмейстером и строителем ваннх зданий. Но слава «отважного партизана, чрезвычайно хорошо применившегося к способу ведения войны с горцами» была известна Пушкину, который познакомился с ним летом 1820 года в Кисловодске. Ведь очень вероятно, что он вместе с Раевскими жил в доме коменданта Кисловодской крепости и имел возможность часто общаться с хозяином. Некоторые краеведы утверждают, что знакомство с ним произошло в 1829 году. Но это исключено поскольку в 1824 году Курило был уволен в отставку и покинул Кавказ. Можно предположить, что такую яркую фигуру Пушкин использовал не только, как прототип майора Курисова, но и взял кое какие – черты Ивана Алексеевича для создания образа главного героя.

Дважды мы встречаемся в набросках с четой Мерлини, очень известной на Кавказе. Глава семьи происходил из семьи итальянского архитектора, служившего польскому королю Станиславу Понятовскому и, видимо, в его честь получил имя Станислав. А отчество (отца звали Доменико) – он переделал на русский лад, перейдя на службу из польской армии в российскую гвардию. Случилось это в 1798 году. В 1810 году Станислав Демьянович был переведен на Кавказ и здесь оставался до конца своих дней, дослужился до чина генерал-лейтенанта и в конце жизни командовал 22 дивизией Кавказского корпуса.

Первоначально служба его протекала в Закавказье. Но в результате реформы Кавказского корпуса, произведенной Ермоловым в 1819 году, все полки, имевшие «некавказские» названия, были выведены в центральную Россию, в том числе, и Белевский полк, шефом которого являлся генерал-майор Мерлини. Ревностный служака, он явно не пожелал расстаться с краем, где, благодаря военным действиям, легко зарабатывались чины и награды.

Нового полка Станислав Демьянович не получил – был переведен из Грузии на Северный Кавказ и здесь был назначен, по одной версии, комендантом Кисловодской крепости, а по другой, начальником Кисловодской кордонной линии. А поселиться генерал со своей супругой Екатериной Ивановной решили на Горячих Водах, где они приобрели продающийся дом губернатора М.Л.Малинского, покидавшего Кавказ, о чем в архиве сохранились соответствующие документы. Именно в этом доме могли жить, как мы с вами вы предположили, семейство генерала Раевского и Александр Сергеевич Пушкин летом 1820 года

Кстати сказать, в пользу этого предположения говорит и включение четы Мерлини в число персонажей «Романа на Кавказских Водах». Живя у них в доме, поэт имел возможность близко наблюдать за супругами и достаточно хорошо изучить их – сделать это со стороны было бы гораздо труднее. Характеристику им Пушкин дает весьма точную – среди персонажей второго варианта значатся «Генерал-баба Генеральша Мерлина». Знак препинания посередине не поставлен, что позволяет предполагать два смысловых варианта этой записи. Первый – генерал-баба – муж и его жена, генеральша Мерлина (Мерлини). Второй – баба-генерал, генеральша Мерлини, то есть властная особа, способная по-генеральски командовать. Оба варианта имеют право на существование. О возможности первого говорит всем на Кавказских Водах известная мягкость характера Станислава Демьяновича. О справедливости второго может свидетельствовать поведение Екатерины Ивановны во время нападения горцев на Кисловодск в 1836 году, когда супруга уже не было в живых. Она примчалась в крепость, одетая по мужски, с шашкой на боку, и принялась давать указания офицеру-артиллеристу: «Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, валий картечью!». На что старик-поручик отвечал: «Слушаю, матушка, ваше превосходительство!».

В набросках романа фигурирует и «воспитанница Генеральши —чувствительная сводня», которая должна была участвовать в развитии интриги, плетущейся вокруг главных героев. Вполне вероятно, что эту фигуру Пушкин тоже высмотрел, живя в генеральском доме.

Существующее же мнение о том, что знакомство с четой Мерлини состоялось в 1829 году, вряд ли основательно, ибо мы знаем, что тогда Пушкину было явно не до генеральши и ее супруга.

Водяное общество

Присутствуют в набросках романа и фигуры, типичные для общества на Водах – «два лекаря», «поэт», «банкометы». Все они тоже имеют реальных прототипов из лиц, встреченных тем Александром Сергеевичем летом 1820 года. Один из медиков, соперничество которых между собой хотел описать Пушкин, носит фамилию Шмидт. Это никто иной, как «главный доктор при Кавказских Минеральных Водах» доктор медицины и хирургии Андрей Цеэ, занимавший эту должность с 1816 года и оставивший ее не позднее 1823 года.

Это был серьезный специалист, сумевший принести некоторую пользу в налаживании курортного лечения. Внимательно наблюдая за использованием лечебных вод, он увидел полное пренебрежение всяческими правилами и пришел к неутешительному выводу: «Посему возвращаются многие без всякого успеха, а другие даже находили там свой гроб». Не подобные ли слова, сказанные им в присутствии Пушкина и услышанные Александром Сергеевичем, подали ему мысль о сцене смерти на Водах «отца Якубовича»? Самого же Цеэ Пушкин предполагал описать с известной долей юмора, как и второго медика, соперничающего с ним в погоне за больными.

Этому, второму, доктору попеременно даются украинские фамилии Флопенко, Хохленко, Хлопенко. Пушкинская характеристика его – «малор. <осс> лекарь; поэт, игрок, воин, musard (то есть, любитель пустяков, ротозей), любопытный» – позволяет, по мнению исследователей, видеть в нем сходство с доктором Е.П Рудыковским, сопровождавшим на Воды семейство Раевских. Украинец по национальности, он был участником Отечественной войны 1812 года. Пушкин постоянно подтрунивал над его профессиональными способностями. Именно этим объясняется и шуточное возведение Рудыковского в ранг лейб-медика, и слова, сказанные в письме брату о поездке на Воды с Раевскими: «лекарь, который с ними ехал, обещал меня в дороге не уморить».

Еще большую иронию поэта вызывали стихотворные потуги Рудыковского, с которыми он имел неосторожность познакомить Пушкина. Мог ли автор поэмы «Руслана и Людмилы», уже написанной к тому времени, всерьез воспринимать такие, например, вирши Евстафия Петровича:

О нарзан, нарзан чудесный!
С Пушкиным тебя я пил,
До небес перевозносил
Он стихами, а я прозой.

Неудивительно, что у Пушкина родилась эпиграмма на лекаря-стихоплета:

Аптеку позабудь
ты для венков лавровых
И не мори больных,
но усыпляй здоровых.

Доктора Рудыковского Александр Сергеевич мог подразумевать и, указывая на некоего, приехавшего лечиться «поэта». Но скорее это все же петербургский знакомый Пушкина Апол-

лон Марин, гвардейский офицер, баловавшийся сочинением стихов. Летом 1820 года он так же прибыл на Воды, где, по его словам, они с Пушкиным «очень хорошо сошлись».

Упоминание о «банкометах» содержит намек на очень распространенную здесь карточную игру, которая далеко не всегда велась честно. Как уже говорилось, Пушкин сам в 1829 году, вторично заехав на Воды, был жестоко обчищен такими «банкометами», среди которых оказались офицер лейб-гвардии Павловского пехотного Астафьев и сарапульский городничий, брат известной «кавалерист-девицы», Василий Андреевич Дуров.

«Дуров помещан был на одном пункте, – вспоминал впоследствии Пушкин, – ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Возможные способы достать их были им придуманы и передуманы». Среди этих способов не последнее место занимала и картежная игра. Фигурой он был интересной, выше говорилось, что Пушкин готов был с утра до вечера слушать его рассказы о своих приключениях. Поэтому и Дуров оказался в кругу персонажей романа, одним из немногих, добавленных после второй поездки на Кавказ. Встречались даже предположения, что Пушкин примеривал его на роль главного героя.

Среди представителей «водяного общества» видим такие фигуры, как «старуха Корсакова», «отец Якубовича», «брат героини», «кунак, друг Якубовича». Протопипы их тоже в основном известны. «Старуха Корсакова», она же Катерина Петровна Томская из первой главы «Романа» – это Мария Ивановна Римская-Корсакова. Брат героини – ее сын Григорий, которого Александр Сергеевич так же хорошо знал. Правда, «брат» быстро исчез из числа героев и Пушкин просто не успел отразить какие-то, характерные для него особенности. То же самое относится к «отцу с двумя дочерьми», возможно, появившимся, как память о семействе Раевских. Ненадолго мелькнув, они исчезли. А вот еще один родитель – «отец Якубовича» (в другом варианте – «паралитик»), – прочно вошел в ткань повествования – волею автора ему предназначалось умереть на Водах. Пушкиноведа ничего определенного сказать не могут об отце реального Александра Ивановича Якубовича. Да, скорее всего, не собирался Пушкин трогать этого почтенного старца – ему просто нужен был персонаж, смерть которого на Водах позволила бы выявить определенные черты характера героя и повлиять на развитие сюжета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.